

7. Тариева Л. У. Парадигма лиц в ингушском языке. Язык, культура, этикет в современном полиэтническом пространстве / Л. У. Тариева // Материалы III Международной научной конференции. – Нальчик : Каб.-Балк. гос. ун-т, 2013. – С. 356–365.
8. Тариева Л. У. Рефлексивный режим интерпретации канонической речевой ситуации / Л. У. Тариева // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2013. – № 4. – С. 84–89.
9. Тариева Л. У. Слышащий в качестве субъекта восприятия / Л. У. Тариева // Гуманитарные исследования. – 2013. – № 4 (48). – С. 30–34.
10. Хинтикка Я. Логико-эпистемологические исследования: Избранные статьи / Я. Хинтикка. – Москва : Прогресс, 1980. – 447 с.
11. Willett Th. A Cross-Linguistic Survey of the Grammaticization of evidentiality / Th. Willett // Studies in Language. – Amsterdam, 1988. – Vol. 12, № 1. – P. 51–97.

References

1. Babushkin A. P. «Vozmozhnyie miryi» v semanticheskom prostranstve yazyika. Voronezh, Voronezh State University, 2001. 86 p.
2. Bondarko A. V. Eksplitsitnost / implitsitnost v obschey sisteme kategorizatsii semantiki // Eksplitsitnost/implitsitnost vyrazheniya smyslov. Kaliningrad, Svetlogorsk, Immanuel Kant State University of Russia, 2006, pp. 21–24.
3. Gerbert Dzh. U. Strana slepyih. Moscow, Pravda, 1964. 418 p.
4. Kozintseva N. A. Kategoriya evidentsialnosti (problemyi tipologicheskogo analiza) // Voprosyi yazykoznaniya, 1994, № 3, pp. 92–104.
5. Lipps G. Samosoznanie, oschuschenie i chuvstvo. St.-Petersburg, Slovo, 1910. 84 p.
6. Tarieva L. U. Mezhdometiya v ingushskom yazyike (ontologicheskoe i referentsialnoe izmereniya). Nazran, Kep, 2013. 74 p.
7. Tarieva L. U. Paradigma lits v ingushskom yazyike. Yazyik, kultura, etiket v sovremennom polietnicheskom prostranstve. Nalchik, Kab.-Balk. State University, 2013, pp. 356–365.
8. Tarieva L. U. Refleksivnyiy rezhim interpretatsii kanonicheskoy rechevoy situatsii // Vestnik rossiyskogo universiteta druzhbyi narodov, 2013, № 4, pp. 84–89.
9. Tarieva L. U. Slyshaschiy v kachestve sub'ekta vospriyatiya // Gumanitarnyye issledovaniya, 2013, № 4 (48), pp. 30–34.
10. Hintikka Ya. Logiko-epistemologicheskie issledovaniya: Izbrannyye statji. Moscow, Progress, 1980. 447 p.
11. Willett Th. A Cross-Linguistic Survey of the Grammaticization of evidentiality // Studies in Language. Amsterdam, 1988. Vol. 12, № 1, pp. 51–97.

ИРОНИЧЕСКИЙ ТЕКСТ И ИРОНИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ: СИСТЕМА КОРРЕЛЯЦИЙ

Заврумов Заур Асланович, кандидат филологических наук, доцент, проректор по научной работе и развитию интеллектуального потенциала, Пятигорский государственный лингвистический университет, 357350, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9.

В статье рассматривается иронический текст и иронический контекст с позиций наличия корреляций между ними, устанавливается иерархия соотношений между конкретными видами иронии и контекста, что предопределяет систематизацию знаний об иронии как многоуровневом феномене. Импликационал иронического текста непротиворечиво вписывается в координаты контекстуального манифестирования иронического высказывания.

Ключевые слова: внешний контекст, внутренний контекст, иронический текст, субъективная модальность, интенция, ирония, импликационал

THE IRONIC TEXT AND IRONIC CONTEXT: SYSTEM CORRELATIONS

Zavrumov Zaur A., Candidate of Philological Sciences, Professor, Pro-rector for research and development of intellectual potential, Pyatigorsk State Linguistic University, 357350, Russia, Stavropol territory, Pyatigorsk, 9 Kalinin ave.

The article discusses the ironic text and ironic context from the point of presence of the correlations between them, establishes a hierarchy of relationships between specific types of irony and context that determines the systematization of knowledge about the irony of how a multi-level phenomenon. Implicational of ironic text consistently fit into contextual coordinates of ironic utterance's manifestity.

Keywords: external context, internal context, ironic lyrics, subjective modality, intention, irony, implikatsional

В семантическом пространстве художественного текста ирония приобретает особую значимость ввиду её специфических свойств, прежде всего, способности к реализации субъективной авторской и персонажной модальности. Репрезентируя оценку, ирония не ограничивается лишь этим аспектом: она особым образом транслирует неудовлетворённость автора окружающей действительностью, эксплицируя особую суггестию художественного текста. Тем самым, иронический текст приобретает мировоззренческий характер, т.к. манифестирует тот эстетический принцип, который является ведущим для продуцента такого текста.

Иронический смысл фиксируется посредством языковых единиц, которые синтагматически приобретают разнообразные коннотации и ассоциативные значения. Несомненно определяющее значение контекста для реализации иронического значения: «контекст выступает не как спорадическое и факультативное явление в коммуникации, а как глобальный феномен, пронизывающий все единицы и уровни языка» [2, с. 21].

Современная лингвистическая парадигма довольно часто обращается к понятию контекста, прежде всего, в рамках прагматических и социолингвистических исследований, при анализе дискурса, а также в формальном лингвистическом моделировании, где он подчиняется принципам формальных грамматик, будучи ограничен ближайшим окружением единицы высказывания, подвергаемой исследовательским операциям либо определяя применяемые к этой единице правила.

Более широкое понимание контекста характерно для функционального подхода к языку, причём границы этого понятия вариативны в зависимости от ракурса конкретного исследования. В теории коммуникации, начиная с общеизвестной модели Р. Якобсона, под контекстом понимается необходимое условие выявления смысла высказывания, поэтому он предстаёт как неотъемлемый компонент процесса коммуникации. Границы контекста в этом случае становятся максимально размытыми: он может включать не только обстоятельства, в которых было осуществлено продуцирование высказывания, но и социокультурные нормы и традиции. Если для исследователя более важен результат деятельности Говорящего, а не он сам, говорят о непосредственном взаимодействии контекста со значением высказывания, а Говорящий использует статичный по своей сути контекст. Если же изучается Говорящий, то язык предстаёт как деятельность, реализуемая в конкретных условиях. Для отечественной лингвистики такой подход связан с теорией речевой деятельности, западная традиция опирается в данном случае на концепции, выдвинутые Л. Витгенштейном и Дж. Остином в парадигме философии языка. Дополнительные проблемы в сфере изучения контекста связаны с неопределённостью границ данного термина, при этом само явление зачастую упрощается в конкретном лингвистическом эксперименте, поскольку его координаты задаёт исследователь.

Классификации контекста также отличаются большим разнообразием, что осложняет дополнительные трудности для его изучения. Отсутствие единой типологии обусловлено, прежде всего, неоднородным характером факторов, которые потенци-

ально оказывают влияние на коммуникативную ситуацию. Так, можно выделить внешний и внутренний контексты. Первый относится к коммуникативной ситуации, понимаемой достаточно широко и включающей антропологические, этнографические, психологические, лингвистические и культурные факторы, второй коррелирует с ментальной сферой коммуникантов и их когнитивными способностями. Прагматика и анализ дискурса апеллируют к ситуации общения, культурным и межличностным фоновым знаниям, а также к контексту: этот комплекс факторов должен учитываться при изучении специфики речевой деятельности коммуникантов.

Результат коммуникации традиционно представляет собой зону ответственности Говорящего, поэтому прагматические исследования направлены на выявление интенции и иллокутивной силы высказывания. Такая методика анализа непротиворечиво применима к ситуациям прямой коммуникации, в которой Говорящий не прибегает к маскировке собственных истинных намерений, зачастую используя конвенциональные способы экспликации интенции. Более сложный случай представляют собой те коммуникативные ситуации, в которых Говорящий скрывает намерения, рискуя потерпеть коммуникативную неудачу. Однако, когда мы имеем в виду иронию, иронический дискурс / текст содержит особые сигналы, обеспечивающие специфические пути интерпретации, т.е. для иронического текста обязательным признаком является маркирование авторской интенции. Именно здесь на первый план выходит иронический контекст, позволяющий субъекту иронии реализовать свои коммуникативные цели.

Изучение иронии в художественном тексте обусловило появление другой типологии контекстов: различают микроконтекст (грамматический контекст) – в пределах предложения, макроконтекст – в пределах абзаца или диалогического единства, текстовый, тематический контекст, который может совпадать с объёмом всего произведения в целом [2], текстовый контекст иногда именуют мегаконтекстом [3]. Выделенные типы контекстов позволяют квалифицировать иронию контекстуальную, текстообразующую и концептуальную, различные по условиям реализации и способу образования.

Контекстуальная ирония представляет собой эмоционально окрашенный вид иронии, осознаваемый немедленно. Ситуативный контекст и номинативное значение слова, словосочетания или предложения вступают в контрастивные отношения, что является причиной возникновения нового иронического смысла, противоположного прямому. Реализация контекстуальной иронии всегда ограничена микро- или макроконтекстом. Текстообразующая ирония – это «скрытый, тонкий тип иронии, реализация переносных значений в этом случае происходит постепенно, новые значения возникают градуально. Она служит действенным средством создания образов произведения, выражения авторской характеристики персонажей и его собственного мировоззрения» [3, с. 62–63], её реализация происходит в широком контексте (мегаконтексте). Контекстуальная и текстообразующая ирония требуют для своего воплощения применения лексических и синтаксических средств, тогда как концептуальная ирония пронизывает весь иронический текст, являясь его основным принципом, который отражает мировосприятие автора-ироника.

Микроконтекст (грамматический контекст) всегда вписан в координаты предложения, а средствами выражения иронии в нём служат слова, словосочетания и отдельные высказывания с устойчивым коннотативным значением ироничности, закреплённым узусом. Скрытая ирония реализуется чаще в мегаконтексте (тематическом контексте), а для её распознавания и декодирования необходим вертикальный контекст [1] – знание реалий, аллюзий, цитат, идиом, языковых единиц, которые содержат информацию социального, исторического, экономического, географического и идеологического характера.

Сложность интерпретации иронии заключается в различии значения высказывания и смысла, который имплицирован в этом высказывании Говорящим. Как и другие способы не прямой коммуникации, ирония продуцирует особые отношения между субъектом и объектом иронии в определенном контексте. Цели таких отношений разнообразны: от установления отношений доминирования до похвалы объекту иро-

нии, частичного выражения агрессии и пр. Поэтому адресат иронического текста обязан не только распознать его интенциональную направленность, но и декодировать информацию, заложенную в таком тексте, в частности, определить цель, преследуемую субъектом иронии. Первым сигналом иронического смысла высказывания служит его вербальное оформление, которое соотносимо с внутренним контекстом. Внешний контекст представляет собой ситуацию, в которую включены Говорящий, адресат и объект иронии. Принципиальны различия между внутренним и внешним контекстами: внутренний может стать основанием для поливариативности интерпретаций иронического высказывания, внешний контекст ограничивает эти интерпретации посредством набора неких принципов, позволяющих квалифицировать данный текст или высказывание как иронические. Принципиально наличие в рамках внутреннего контекста определенных маркеров иронии, предупреждающих адресата о наличии иронического смысла, однако сам код интерпретирования иронического текста / дискурса находится вне их, во внешнем контексте.

Сигналы иронического смысла характеризуются различным уровнем сложности, при этом бесспорна их принадлежность всем языковым уровням. Реализация иронии в художественном тексте охватывает всё его семантическое пространство, опираясь на компоненты идиостиля автора, структурирование текста, ориентированные на восприятие иронии адресатом.

Идиостиль писателя-ироника манифестирован в тематике и идейной направленности произведения, в его общей тональности (пафосе), мотивике и сюжетике, в аксиологической системе, в том числе оценке персонажей, то в целом характеризует мировоззрение и ценностные ориентации автора. Структурирование текста охватывает комментарии и метатекстовые включения, находящиеся в зоне авторской модальности, а также описания, имеющие иронический характер, и речевые характеристики персонажей (персонажную модальность). Способы формирования и реализации авторской и персонажной модальностей в координатах иронии схожи, однако авторская ирония имеет более сложный характер, отражает более широкий диапазон эмоций и чувств, поэтому суггестия в этой зоне гораздо более действенна. С другой стороны, персонажная ирония квалифицируется более однозначно, что обусловлено разносторонним показом героев в самых разных ситуациях и направленности авторской оценки именно на них. Таким образом, реципиент художественного текста всегда обладает более внушительным объёмом информации о персонажах, нежели о присутствии автора в произведении.

Тем не менее, рецептивная деятельность читателя в координатах семантического пространства художественного текста позволяет также оценить и отношения «автор – произведение», маркеры которых находятся, прежде всего, в метатекстовых включениях. В этой связи необходимо отметить, что с позиций социума ирония квалифицируется всегда как акт агрессии, тогда как индивидуально способна вызывать симпатию, что обусловлено обычно интеллектуальным и культурным уровнем развития реципиента иронии.

Маркеры иронии всегда требуют привлечения достаточно широкого контекста, в связи с чем возрастает значимость различных факторов в интерпретации иронического текста. В истолковании иронического смысла важное значение приобретает установление взаимной детерминированности эксплицитного и имплицитного уровней высказываний субъекта иронии, а эмоционально-логические компоненты и контекстуальные значения иронических высказываний создают необходимые условия для выявления иронически маркированных единиц текста.

Список литературы

1. Гюббенет И. В. К вопросу о глобальном вертикальном контексте / И. В. Гюббенет // Вопросы языкознания. – 1986. – № 6. – С. 97–102.
2. Колшанский Г. В. Контекстная семантика / Г. В. Колшанский. – Москва : Наука, 1980.
3. Походня С. И. Языковые виды и средства реализации иронии / С. И. Походня. – Киев : Наукова думка, 1989. – 128 с.

References

1. Gjubbenet I. V. K voprosu o global'nom vertikal'nom kontekste // Voprosy jazykoznanija, 1986, № 6, pp. 97–102.
2. Kolshanskij G. V. Kontekstnaja semantika. Moscow, Nauka, 1980.
3. Pohodnja S. I. Jazykovye vidy i sredstva realizacii ironii. Kiev, Naukova dumka, 1989. 128 p.

УКРАИНСКИЙ КОНФЛИКТ В ЗЕРКАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Ряцина Майя Эверовна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: marya39@mail.ru.

В статье исследуются лексические единицы английского и русского языков, обозначающие участников украинского конфликта на востоке страны, изменение семантики лексем под влиянием контекста, их прагматика и варианты перевода. Выбор единиц прагматически обусловлен, на него влияют позиция издания и реализация функции «свой – чужой» при формировании общественного мнения.

Ключевые слова: инструмент власти, коннотативное значение, прагматика, семантика, ассоциативное значение, оценочный компонент, вариант перевода

THE UKRAINIAN CONFLICT REFLECTED IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

Rjashchina Majja J., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, 410056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: marya39@mail.ru.

The article considers English and Russian lexical units denoting participants of the conflict in the east of Ukraine, changes in the analyzed words' meaning caused by the context, the words pragmatic characteristics and variants of translation. The choice of the words is pragmatically determined, it is predetermined by the edition's political orientation and the function of distinguishing between "native- alien" when forming the public opinion.

Keywords: instruments of power, connotative meaning, pragmatic meaning, semantics, associative meaning, evaluative component, translation variant

Цель данной статьи – проанализировать лексические единицы, используемые российскими и англоязычными средствами массовой информации для обозначения участников конфликта в Украине, и оказать помощь переводчикам в выборе адекватных, прагматически корректных вариантов при переводе как с русского на английский, так и с английского на русский. Материалом исследования послужила выборка примеров из публикаций на сайтах российских информационных агентств, BBC и CNN. Перевод примеров выполнен автором статьи. Словарные дефиниции заимствованы в основном из словарей Вебстера, БТС, варианты перевода приводятся по электронному словарю Мультитран.

Как известно, язык есть мощное средство идеологического воздействия. Основная задача текстов газет и журналов – сообщение определённых сведений с определённых позиций и достижение желаемого воздействия на рецепторов, отмечает В.Н. Комиссаров. При сообщении фактов необходимо точное обозначение понятий и явлений, поэтому особенно важна роль терминов, имён и названий, однозначно указывающих на предмет мысли [3, с. 118]. Как известно, в семантике лексических единиц выделяют денотативное и коннотативное значения. Коннотация включает переносное значение, оценку, эмоционально-экспрессивный компонент, стилистическую окра-